

в страшные бесполое существа, полностью лишённые ласковости, доброты женской, её стремления всех понять, всех утешить, исправить все зло. Леденящий ужас возникает при одном взгляде на это исковерканное создание, что испытывает чудовищное наслаждение от приносимого ею зла. Злорадство, злобная радость в её глазах — на дне которых таится неосознанное страдание.

Тотальное зло, в котором мы живём, переросло все мыслимые рамки, в том числе и рамки политики. Оно — онтологично. Мы поставлены перед простым выбором: свет — или тьма, правда — или ложь, жизнь — или смерть. Зло проникает все поры наших тел и наших душ, только неустанная борьба с ним может нас спасти.

Решимость идти до конца нам придает не отчаяние, а ясное осознание, что ничто не может быть хуже той прижизненной могилы, в которую превращена у нас в стране жизнь женщины».

ВОПРОСЫ.

Л. Кучина: Вы говорите о творчестве женщины, но не развиваете эту мысль. Что именно вы подразумеваете под чисто женским аспектом творчества — только творчество в любви, в семье?

Н. Малаховская: Нет, я считаю, что женщина может и должна творить во всех сферах жизни, а женский аспект творчества я вижу в том, что для женщины, в отличие от мужчины, прежде всего важна цель творчества. Она не может творить бесцельно, ради процесса творчества, как это часто случается у мужчин, у которых профессионализм порою становится чуть ли не единственным мериллом человеческой значимости.

Юлия ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Домашний концлагерь

Ю. Вознесенская: Вот почему мы видим столько христиан, опытом своей жизни опрокидывающих христианство. Даже христианство может стать профессионализмом.

Дело в том, что в стране, где государственная власть носит тоталитарный характер, происходит проникновение государственности во все другие жизненные системы: в наш быт, наши привычки, наше общение. Семья, школьный коллектив, коллектив производственный — все они являют собой отражения государственной системы, все строятся по схеме тоталитаризма, автократии. В

обычной советской семье, мельчайшей ячейке государства, отношения повторяют привычную схему: имеется авторитарная власть одного лица, основанная на демагогическом утверждении абсолютной правоты «главы» семьи (как правило, мужа или жены, реже — тещи, свекрови, свекра), имеется своя партократия — любимчики деспота, приближенные к нему, облеченные некоторым доверием и привилегиями, имеется и свой безропотный «народ»: дети, бабушки и дедушки, слабейший из супругов. Проще говоря, всегда есть свой «генсек», своя «партия» и своя «масса». Таким же точно образом строятся и прочие сообщества, в том числе и те, что принято называть «кругом знакомых», «кругом друзей», «компанией». Что бы ни объединяло людей в дружеские сообщества: творческие интересы; родственные связи, «хобби» или даже дело, святое для всех, которому все члены сообщества готовы отдать жизнь. — ядовитое тело государства прорастает их, отравляет их организм метастазами фашизма или большевизма, что на мой взгляд абсолютно одно и то же. Даже группы правозащитников и творческие объединения «второй культуры» заражены этой болезнью: жажда лидерства со всеми ее пороками и жажда иметь лидера впереди себя, чтобы было за кем идти, кому слепо подчиняться, нетерпимость ко всякому инакомыслию (даже в среде инакомыслящих!), строгая требовательность к низшим по рангу и полная бесконтрольность и всевластие гегемонов, догматизм и демагогия, — все тот же сон!..

Пожалуй, единственное сообщество, в котором я наблюдала общение равных, основанное не на авторитарных отношениях, а на любви и творческом содружестве — это участники христианского семинара по вопросам религиозного возрождения России, руководителями которого были Александр Огородников и Владимир Пореш. У них искоренено это подражание государственности, движение к Богу у них совершалось в общении между людьми.

Даже у «бомжей», людей, полностью отверженных, внутренняя культура общения выше, чем в заводских, институтских и прочих наших «нормальных» коллективах. Новые братские отношения появляются у «хиппи». Но пока еще такого рода отношения встречаются крайне редко. Тем радостнее и удивительнее было мне видеть, что в только что (впервые в России!) зарождающемся феминистическом движении, у которого нет основополагающей теории, нет пока четко выраженной идеологической платформы, нет даже устава (ура, кажется, и не будет!) — в этом еще только слагающемся движении сразу выявился новый тип общения, зародился новый организм, развивающийся по совершенно иной генетической программе. Я говорю о клубе «Мария». Если движение, возникшее вокруг альманаха «Женщина и Россия», внесло новые идеи в демократическое движение, то клуб «Мария», в первую очередь явил собой новое демократическое сообщество в действии. Пусть нас немного, чуть более десятка, но уже ясно, что лидеров среди нас нет и к лидерству никто не стремится. И в первую очередь это раскрепостило тех, кто еще вчера был на этих ролях в других сообществах. Когда никто не диктует, когда высказываются все — вот тогда-то и исключаются всякого рода «базары» и пустые разглагольствования: никто не декларирует во славу себе, но каждый говорит свое слово как равно правомоч-

ный и равно ответственный. Там, где нет «инициативной группы» — инициаторами становятся все, где нет главного редактора — за журнал отвечают все. Нам удивляются, нам даже пытаются навязать привычную схему: «А кто у вас руководитель? Инициатор? Редактор?» Делают на этот счет и навязывают нам свои предположения. — Мы все и никто в отдельности! Впервые я вижу на практике претворенными в жизнь демократические принципы творчества, и мне этот опыт — опыт создания первого подлинно демократического коллектива — представляется едва ли не самым важным нашим открытием. И мы должны беречь и утверждать то, что нас соединило и объединило: демократичность не на словах, а на деле, любовь друг к другу и взаимное уважение, готовность понять друг друга в самой сложной ситуации, абсолютная вера в чистоту помыслов всех наших подруг, полное доверие с одной стороны и потребность быть открытым во всех делах и помыслах, связанных с общим делом, у каждого.

Ну что ж, приходится признать, что, по-видимому, здесь сказалось отсутствие мужчин.

При всем уважении к диссидентам и деятелям «второй культуры»*, среди которых у меня много самых близких друзей, с кем я многие годы работаю плечо к плечу, я должна (со снисхождением к простительной слабости!) заметить, что тщеславие и стремление к авторитарности свойственно почти всем. Да что там говорить, сама в лидерах ходила — по печальной необходимости. Оказалось, что демократичность в самом глубоком смысле женское качество. Ничего, мы потом поделимся опытом с мужчинами. А пока будем охранять наше сестринское содружество от малейшей заразы большевизма.

Другой особенностью нашего феминистического содружества я вижу его неразрывную связь с общим демократическим движением. Это порождает несколько иное отношение к мужчинам, чем то, что мы наблюдаем во многих западных феминистических группировках. Мы не рассматриваем наше движение как антимужское, мы не испытываем ненависти к другому полу. Но гермафродитизм как средство формирования «государственного человека» мы отрицаем и объявляем ему войну. Рабству большевистского гермафродитизма мы противопоставляем развитие женщины во всей полноте и красоте ее пола: женщины-личности, женщины-матери, женщины свободной. Мы не отрицаем традиционного союза между мужчиной и женщиной, но считаем его реальным только между свободной женщиной и свободным мужчиной. Мучительный и мучительский союз двух рабов, к тому же лишенных по воле государства и традиционных основных нравственных половых признаков — нам отвратителен. Нам одинаково неприятны и жалки и мужчины, и женщины, потерявшие чувство собственного достоинства, гражданское самосознание, уверенность в своей индивидуальной значимости, возможность проявлять себя в творчестве. Это наши общие потери. Но мы говорим особо о сугубо женских потерях: о

* Или, как мне больше нравится, «иной культуры».

потере гордости и всех прав матери, жены, хозяйки дома, о потере творческой роли носительницы прекрасного, о потере уверенности возлюбленной в том, что есть кому защитить ее жизнь и честь. Мужчины имеют свои, сугубо мужские потери: утрата обязанностей гражданина участвовать открыто и свободно во всех делах государства, утрата рыцарства и права на рыцарство, утрата возможности быть кормильцем и опорой семьи, утрата права быть защитником жизни и чести своей подруги. Но это уже — не общие наши проблемы, и мы предоставляем мужчинам терпеть свое особое мужское рабство или самим бороться за создание в себе свободного человека из раба. Тем же, кто борется против нашего общего большевистского рабства — этим мужчинам мы протягиваем руку солидарности и дружбы. Мир сейчас находится в таком положении, что ему нужны настоящие женщины и настоящие мужчины.

Дискуссия на тему Феминизм и Марксизм

Т. Горичева: На Западе феминистские движения часто бывают связаны с различными левыми течениями, в том числе с марксизмом. Я видела французские газеты, в которых фотографии авторов альманаха «Женщины и Россия» напечатаны рядом с портретами Ленина. Сегодня мы постараемся как можно более четко сказать о нашем мировоззрении, ответить на вопросы о нашем отношении к марксизму и о том, каким, по нашему мнению, должно быть феминистическое движение в России.

— Соня, расскажи, пожалуйста, как ты представляешь смысл феминистического движения?

С. Соколова: Я представляю себе женское движение как братство на основе христианской любви.

— А что бы ты хотела сказать по поводу поставленной проблемы об отношении к марксизму?

— Отношение к марксизму у меня самое отрицательное. У марксизма нет духовной основы, нет принципа любви, нет поиска духовных истин, красоты, искусства. — есть принцип живота: все поровну, жратвы вдоволь — вот его идеал. Марксизм — не любящая никого теория. Только прислушайтесь к его словам: класс, партия, идем, бьем, победим. Если на Западе феминистические движения часто соединены с марксизмом, то у нас это невозможно.

Ю. Вознесенская: Я всегда придерживаюсь чисто демократических принципов: всякая теория имеет право существовать и развивать себя. Но ко всем экстремальным проявлениям этой теории я отношусь как к преступности. Я сужу людей не по тому, какой теории они придерживаются, а по тому, каковы они для своих ближних.